

КАВКАЗЪ,

Тифлисская политическая и литературная газета.

1856

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:
 Въ Тифлисъ: въ Редакціи, находящейся при Типографіи, а также въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С.-петербургѣ: въ Конторѣ газеты «Кавказъ», при книжномъ магазинѣ поч. гражд. В. П. Печаткина, и въ Газетной Экспедиціи. Въ Москвѣ: въ Газетной Экспедиціи московскаго почтамта. Въ губерніяхъ: въ Губернскихъ Почтовыхъ Конторахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ
 За газету «Кавказъ» безъ казенныхъ прибавленій 9 р.
 Съ казенными прибавленіями . . . . . 12 р. 50 к
 За одинъ казенный прибавленія . . . . . 5 р.
 Съ частныхъ объявленій, печатаемыхъ въ газетѣ, взимается по ¼ коп. серебромъ съ буквы.

СОДЕРЖАНІЕ:

- Внутреннія извѣстія.** Высочайше приказаны по военному вѣдомству отъ 8—9 марта.
- Кавказская лѣтопись.** Тифлисская современность. Шемаха.
- Иностранная извѣстія.** Изъ Крыма. Англія. Франція. Австрія. Турція. Персія.
- Литературный отдѣлъ.** Керъ-оглу, ст. С. Пена (продолженіе).

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.
ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.
 по отдѣльному кавказскому корпусу и войскамъ къ нему прикомандированнымъ.

Марта 8-го дня 1856 года. Продолжается срокъ отпуска. По иррегулярнымъ войскамъ. Командиру Донскаго Казачьяго № 23-го полка, Полковнику Хрещатицкому 2-му, по 14-е апрѣля сего года.

Марта 9-го дня. Переводится. По Кавалеріи. Состоящій по Армійской Кавалеріи и при Отдѣльномъ Кавказскомъ Корпусѣ, Флигель-Адъютантъ Его Императорскаго Величества, Полковникъ князь Чавчавадзе, въ Тифлисскій Егерскій полкъ, съ оставленіемъ въ званіи Флигель-Адъютанта. Увольняется въ отпускъ на четыре мѣсяца: По Кавалеріи. Драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка Майоръ Орловъ, для излеченія болѣзни, въ городѣ: С.-петербургѣ и Москвѣ. Исключенія изъ списковъ: Убитые въ сраженіи противъ Турокъ, Тульскаго Егерскаго полка: Штабсъ-Капитанъ Дударь, Поручики: Черноплотовъ 1-й, Агустинъ, Емельяковъ, Бобровъ, Подпоручики: Голицынский 1-й, Зарецкий 1-й, Соболевскій, Борисовъ, Прапорщики: Саранчевъ, Боговленскій 1-й, Шамаринъ и Раппъ.

КАВКАЗСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Тифлисъ. 28-го марта выступила изъ Тифлиса въ Александрополь, на укомплектованіе полевой Артиллеріи, команда нижнихъ чиновъ, подъ начальствомъ поручика Васильева.

Шемаха. Среда—день всевозможныхъ ожиданій для Шемахинцевъ: ждемъ газетъ, журналовъ, писемъ, изъ которыхъ черпаемъ все, чѣмъ могучая святая Русь живетъ и дышетъ въ теперешнее время. Геройскіе подвиги православно христіанскаго воинства, оказанные въ продолженіе нынѣшней борьбы, съ новою силою воспламенили сердца всѣхъ сыновъ нашей Богоспасаемой отчизны сознаніемъ высокаго достоинства, что Россія—таже могучая Русь, какою являлась она на поляхъ Полтавскихъ и Бородинскихъ, а мы дѣти Царя-отца, безывно любимаго громадною шестидесятилѣтнею-милліонною семьей. Вотъ простая, невѣдомая, быть можетъ, Западу причина, по которой жизнь и достоиніе Россійца—достоиніе Царевъ, печаль Его—единодушный вопль всего отечества, радость Его—благословенный восторгъ вѣреннаго Ему свыше народа, и нѣтъ уголка въ вашей любезной Россіи, гдѣ-бъ мыслили иначе! Чтѣ дѣлается у сердечныхъ союзниковъ по принужденію, съ болѣзненнымъ щемленіемъ сердца, въ тягосты и разореніе гражданъ, то у насъ совершается по доброй волѣ, отъ полноты душевныхъ чувствъ и искренности желаній добра нашей родинѣ. Стоитъ только развернуть любой листокъ газеты, что-бъ убедиться въ этомъ. Множество гласныхъ и безгласныхъ приношеній въ пользу героевъ и семействъ ихъ, краснорѣчивѣ всѣхъ фразъ, высказали духъ и чувства русскаго народа. Воинствъ Его Императорскаго Величества Государа Императора Александра Николаевича, идущихъ на брань, или побѣдоносно грядущихъ съ поля брани, въ городахъ и селахъ встрѣчали и встрѣчаютъ съ любовію, по-братски, и тѣ, на долю которыхъ не выпадала честь угостить храбрыхъ, скорбятъ объ этомъ... Къ послѣднимъ принадлежалъ и нашъ городъ, пока молва не принесла къ намъ вѣсть о прослѣдованіи чрезъ Шемаху 3-го баталіона Ширванскаго пѣхотнаго полка, что и не замѣдило вскорѣ оправдаться, къ общей радости. Въ полдень, 10 марта, на встрѣчу къ желаннымъ гостямъ выѣхали мѣстныя власти

и депутаты отъ разныхъ сословій, при стеченіи всего населенія. На городской чертѣ командующему баталіономъ капитану Боуфану поднесена хлѣбъ-соль и, послѣ обоюднаго привѣтствія, Ширванцы, съ музыкой и пѣснями, вошли стройными рядами въ городъ.—На базарной площади баталіонъ остановился и, вслѣдъ затѣмъ, депутаты: отъ Армянъ Маркаръ Лазаревъ и отъ мусульманъ Хаджи-Джафаръ-бекъ Маммедъ-Бекъ-омы роздали для тысячи человекъ, отъ имени города, по чаркѣ водки и по полуфунтовому бѣлому хлѣбу на каждого, а для кашки отпустили на весь баталіонъ 12½ пуд. говядины и 8½ пудъ рисовой крупы; старшина же молочанскаго поселенія Клементій Хворостовъ, на все время пребыванія баталіона въ городѣ, выпросилъ на полное попеченіе молочанъ 100 солдатъ, которые и были угощаемы съ похвальнымъ радушіемъ, въ полномъ смыслѣ слова.

Какъ, по маршрутному росписанію, въ Шемахѣ назначена была дневка баталіону, то гости вскорѣ были размѣщены по квартирамъ,—само-собою разумѣется, что гг. офицерамъ, въ числѣ 16 чел., отведены лучшія квартиры, со всевозможными удобствами. На другой день, 11 числа, тѣмъ же депутатами доставлено для тысячи человекъ 12½ пуд. говядины и 16½ п. рисовой крупы.—12 марта Ширванцы собрались въ путь. При прощаньи, гостеприимными гражданами поднесено каждому рядовому по чаркѣ водки и полуфунтовому бѣлому хлѣбу. Не смотря на неблагоприятную погоду, всѣ кровли домовъ, прилегающихъ къ улицамъ, по которымъ слѣдовало проходить баталіону, усыяны были женщинами и дѣтьми, жаждавшими взглянуть на бодрыхъ, здоровыхъ и статныхъ молодцевъ. Слова «командиръ ѣдетъ» привели въ движеніе группы солдатъ, толковавшихъ по-своему о дѣлахъ житейскихъ... Разобраны ружья изъ козелъ; установились ряды; пронеслось магическое «смирно». Часъ наступленія насталъ. Командиръ поблагодарилъ гражданъ за ласковый приемъ. Поданъ сигналъ къ походу. Заиграли музыка, затянули бравою пѣсню и—дорогіе гости, напутствуемые желаніями присутствовавшихъ—одолѣть супостата, двинулись въ дальній путь.

- «Идите родные! Господь между вами;
- «Вѣдь вамъ не впервые сражаться съ врагами.
- «И, вспомнивъ заветъ и страданья Христа,
- «Не дайте въ обиду святаго Креста!

Такъ встрѣтила и проводила Ширванцевъ Шемаха! Впрочемъ, это не первое доброе дѣло Шемахинцевъ. Въ прошломъ году ими пожертвовано болѣе 1,400 р. для отсылки изъ этой суммы 892 р. 79 коп. въ пользу моряковъ, потерявшихъ дома и имущество въ Севастополь; 227 р. 20 к. для ратниковъ, ополчившихся за Вѣру, Царя и Русь святую, и 300 р. внесено въ здѣшнее женское учебное заведеніе св. Нины. (Заведеніе это, состоя подъ личнымъ начальствомъ Елены Романовны Смиттенъ, супруги шемахинскаго вице-губернатора, содержится роскошно, въ сравненіи съ другими мною видѣнными приютами: но объ этомъ мы поговоримъ современемъ).—Въ заключеніе не могу не сообщить вамъ интересную жалобу поселенца Петра Грушенкова, принесенную г. полиціимейстеру г. Шемахи.—Къ вашей милости, в. в., просьбица есть. Изволите видѣть, отецъ-благодѣтель: старшина Хворостовъ поставилъ ко мнѣ двоихъ солдатъ, что сегодня пришли изъ Кусаровъ.—«Что-жь, обидѣли тебя чѣмъ?»—Никакъ нѣтъ-съ, в. в., явите Божескую милость, прикажите поставить еще десятирыхъ... Благодареніе Создателю! есть чѣмъ употчивать... У Николая Бородинна 13 душъ, а мнѣ за что такое поношеніе, чѣмъ онъ сопротивъ меня въ отличіе взмошлъ?—«Съ удовольствіемъ, любезный... сейчасъ же прикажи Хворостову отъ моего имени исполнить твою просьбу въ точности». Грушенковъ вышелъ отъ добраго градоначальника, весьма довольный за снисхожденіе къ его справедливой, но тѣмъ не менѣе оригинальной просьбѣ.

Акимъ Черешовъ.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Извѣстія изъ Крыма. (Nord.) Въ Journal du Loiret мы находимъ письмо, отъ 29-го февраля, въ которомъ содержатся слѣдующія любопытныя подробности о происходившемъ въ тотъ день заключеніи перемирія между войсками русскими и союзными: «Въ девять часовъ утра, съ высоты Макензиевой фермы спустился небольшой отрядъ Русскихъ и немедленно подошелъ къ ручью, образовавшемуся отъ послѣднихъ дождей и текущему параллельно съ Черной рѣчкой. Это былъ русскій генералъ, присланный для подписанія условій перемирія и сопровождаемый небольшимъ конвоемъ. Первыя войска, встрѣченныя здѣсь Русскими, принадлежали къ 1-й французской дивизіи, которая прежде всѣхъ другихъ союзныхъ войскъ завязала бой на Альмѣ.—Капитанъ 27-го линейнаго полка, содержавшій въ этотъ день караулъ въ мостовомъ прикрытіи, просилъ Русскихъ подождать немного. По условію, надобно было съѣхаться въ десять часовъ, а Русскіе прибыли раньше.—Въ десять часовъ явились французскій генералъ Мартемпре, англійскій Уиндгамъ, сардинскій полковникъ Пегити, и начальники штаба изъ всѣхъ трехъ армій. Они вышли на встрѣчу русскому генералу, и послѣ обычныхъ привѣтствій воротились вмѣстѣ съ нимъ въ мостовое прикрытіе, посредствомъ нарочно устроенной бреші, а потомъ усѣлись въ двухъ палаткахъ, приготовленныхъ заранее для этой церемоніи. Съ генераломъ Тимашевымъ прибыло пять или шесть офицеровъ штаба и человекъ двадцать казаковъ, которые помѣстились внѣ мостоваго прикрытія, сбѣжались и стали возлѣ своихъ лошадей. Это были казаки донскіе.—Переговоры продолжались часа два. Между тѣмъ, изъ ближайшихъ частей союзной арміи сбѣжалось множество офицеровъ и солдатъ. Въ томъ числѣ болѣе всѣхъ было Сардинцевъ, которые знали еще наканунѣ о предстоящемъ заключеніи перемирія. Всѣ спѣшили ближе посмотреть на бывшихъ враговъ, тѣснились, толкали другъ друга, сыпались, катились какъ лавина съ окрестныхъ высотъ. Тогда отъ генерала Лидерса пріѣхалъ адъютантъ съ предписаніемъ Русскимъ выдти изъ мостоваго прикрытія, и они возвратились къ казакамъ.—Эти казаки, стоявшіе спокойно и недвижно, представляли зрѣлище истинно великолѣпное. Всѣ они были красивые, рослые, чрезвычайно опрятные, и всѣ украшенные одною или двумя медалями. На головѣ у нихъ была красная шапка, отороченная черною бараньюю шкурой. Одѣты они были въ синіе кафтаны безъ пуговицъ и синіе же панталоны съ красными лампасами; вооруженіе ихъ состояло изъ сабли съ рукоятію безъ эфеса, изъ ружья и шки. Они не дорожатъ саблею и ружьемъ; по всю свою надежду полагаютъ на пику. Одинъ изъ нихъ хвалился, что убилъ своею пикою трехъ Французовъ: любезный казакъ! У нихъ нѣтъ шпоръ, и на лошадяхъ ихъ надыты не мундштуки, а простыя уздечки, покрытыя, впрочемъ, лакомъ. Эти казаки охотно отвѣчали на всѣ вопросы, но ни подѣ какимъ предлогомъ не соглашались сойти съ своего мѣста. Цѣлые два часа они простояли спокойно среди огромной толпы любопытныхъ, держа въ одной рукѣ узду, въ другой пику.—Часамъ къ двѣнадцати условіи во всѣхъ пунктахъ перемирія, послѣ чего офицеры сѣли на лошадей и вмѣстѣ двинулись къ ручью. Здѣсь опять осыпали другъ друга разными привѣтствіями, и потомъ союзники возвратились къ себѣ, а Русскіе, чтобы не дѣлать объѣзда, поѣхали по глубокой грязи, среди многочисленныхъ зрителей, которые раскланивались съ ними».

Англія. (Nord.) Лондонъ, марта 14-го. Во вчерашнемъ засѣданіи нижней палаты лордъ Пальмерстонъ объявилъ, что палата приглашается закрыть свои засѣданія по 31 марта. Послѣ преній о разныхъ предметахъ, г. Лейардъ пожелалъ знать имена и величину военныхъ судовъ, которыя отправлены или должны быть отправлены въ Пер-

сидекій заливъ изъ Остъ-Индіи. Готово ли остъ-индское правительство къ экспедиціи противъ Персіи? Получено ли извѣстіе, что Персія намѣрена предпринять экспедицію противъ Герата или другой какой нибудь части центральной Азіи?—В. Смитъ: «Два судна вышли въ персидскій заливъ: «Викторія», въ 500, и «Семирамида», въ 200 силъ. Дать точный отвѣтъ на второй вопросъ мнѣ невозможно. Что до третьяго, я знаю, что готовилась экспедиція такого рода, но не имѣю точныхъ свѣдѣній о случившемся (*). Надѣюсь, впрочемъ, что Персія пойметъ, что во время возстановленія общаго мира, ея собственныя пользы запрещаютъ ей заводить споръ, слѣдствіемъ котораго можетъ быть война». Полковникъ Френчъ спросилъ, изслѣдованы ли или будутъ ли изслѣдованы причины, по которымъ штурмъ англійскихъ войскъ на северо-восточной большой Редантъ, 8-го сентября 1855 года, не имѣлъ успѣха. «Дѣло это, столь несчастное», говорилъ онъ, «было славно для участвовавшихъ въ немъ офицеровъ и рядовыхъ, и я увѣренъ, что если бы атакою Англичанъ управляли такъ же искусно, какъ атакою Французовъ, штурмъ Реданта имѣлъ бы совсѣмъ другой результатъ. Солдаты и офицеры дрались, какъ львы; но генералъ Симпсонъ не сдѣлалъ ничего для поддержанія штурмовавшихъ колоннъ. И однакожъ онъ былъ награжденъ, тогда какъ никакой награды не дано младшимъ офицерамъ, участвовавшимъ въ этомъ кровопролитномъ приступѣ.» Лордъ Пальмерстонъ: «Правительство не намѣрено производить розыска о томъ, что случилось 8-го сентября при большомъ Редантѣ. Не думаю, чтобы этотъ день былъ несчастенъ для Англии; напротивъ полагаю, что онъ покрылъ наше оружіе новымъ блескомъ. Правда, англійскія войска были отражены; но, въ этотъ самый день, и Французы были отражены на двухъ другихъ пунктахъ, и если бы Англичане не предприняли отчаяннаго штурма на Редантъ, весьма вѣроятно, что и штурмъ на Малахову Башню не имѣлъ бы успѣха.» Сэръ Леси Эвансъ возвратился къ вопросу объ экспедиціи противъ Персіи и съ жаромъ возставалъ противъ мысли о войнѣ въ тѣхъ странахъ.—Англія, по словамъ оратора, слишкомъ уже падка (!) на войну съ первобытными восточными державами. Онъ тоже удивился, что правительство не дало никакихъ наградъ младшимъ офицерамъ, участвовавшимъ въ штурмѣ большого Реданта. Г. Гладстонъ: «Правительство не должно терять изъ вида, что палата не шута встревожена переидекими дѣлами. Не думаю, чтобы была серьезная причина объявлять войну; споръ между двумя правительствами неваженъ. Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе безпокоитъ палату, что, судя по обороту, какой принимаетъ дѣло, кажется несомнѣннымъ, что правительство начнетъ войну, не посоветовавшись съ парламентомъ. Правда, корона имѣетъ право объявлять войну или заключать миръ, не советуясь съ палатами; но послѣднія должны всегда, хотя и косвеннымъ образомъ, подавать свой голосъ, потому что суммы на военныя издержки ассигнуются ими. Но кажется, хотѣтъ подождать, когда все кончится, и уже тогда рѣшить, должны ли издержки на эту войну быть покрыты англійскимъ казначействомъ или казначействомъ остъ-индскаго правительства. Дѣйствовать такъ — не совсѣмъ согласно съ уложеніемъ, и надѣюсь, что правительство не приметъ никакого рѣшенія прежде, нежели формально и прямо объявитъ Палатѣ, что оно намѣрено дѣлать.» В. Смитъ объявилъ, что правительство не приступитъ къ неприязненнымъ дѣйствіямъ до тѣхъ поръ, пока не объяснитъ палатѣ, изъ какихъ суммъ должны быть покрыты военныя издержки.

(N. Pr. Z.) Отъ генерала Вилліамса получены письма, въ которыхъ онъ пишетъ, что здоровье его почти совсѣмъ возстановилось, и съ большою признательностію отзываясь о генералѣ Муравьевѣ. Ново-шотландское законодательное собраніе препроводило къ правительству 150 гиней на почетную шпагу для своего соотечественника, генерала Вилліамса. Шпага эта должна быть сдѣлана вся изъ ново-шотландскаго металла.

Франція. (Ind. V.) Парижъ, марта 16-го. Такъ какъ въ результатъ мирныхъ переговоровъ никто болѣе не сомнѣвается, то надъ ними взяло верхъ на время, во вниманіи Парижанъ, другое давно ожидавшееся событіе — рожденіе наследника императорскаго престола. Рожденіе принца доказываетъ, что счастливая звезда Лудовика-На-

(*) По извѣстіямъ изъ Персіи, напечатаннымъ въ 21 № нашей газеты, слухи объ экспедиціи противъ Герата официально подтвердились, но о послѣдствіяхъ ея еще никакихъ свѣдѣній не получено.

полеона и на этотъ разъ его не покинула. Вчера утромъ, между четырьмя и пятью часами, императрица почувствовала первыя боли. Всѣ государственныя сословія и парижскій муниципальный советъ были немедленно предвѣдомлены и весь день не расходились. Въ нынѣшнюю ночь, какъ мы уже говорили, послѣдовало разрѣшеніе отъ бремени и сегодня утромъ, въ 6 часовъ, пушечные выстрѣлы изъ дома инвалидовъ возвѣстили Парижу о рожденіи наследника императорскаго престола. 23-го февраля чрезвычайный курьеръ поѣзъ въ Стокгольмъ письмо императора Французовъ, съ изъявленіемъ желанія, чтобы шведская королева была восприемницей новорожденнаго ребенка, а 25-го французскій посланникъ официально сообщилъ объ этомъ желаніи шведскому двору. 4-го марта стокгольмскія газеты полуофициально уже подтвердили извѣстіе, что королева Жозефина согласна быть крестной матерью наследника французскаго престола, а 9-го числа императоръ Французовъ получилъ отвѣтъ отъ шведскаго двора.

(Ind. V.) Въ дипломатическихъ кружкахъ продолжаютъ единодушно утверждать, что къ 20-му или 22-му числу марта дѣло о мирѣ будетъ рѣшительно кончено. Приступленіе Пруссіи къ переговорамъ не можетъ замедлить заключенія мира, потому что всѣ важныя вопросы уже рѣшены. Сверхъ того справедливо, что Пруссію пригласили только по дѣлу о трактатѣ 1841 года, относящемуся къ проливамъ. Но что касается до распространеннаго злоязычниками слуха, будто Пруссія не будетъ приглашена приличнымъ образомъ, то это совершенная неправда. До сихъ поръ на конференціяхъ уполномоченные во всемъ соглашались между собою, за исключеніемъ двухъ только случаевъ, въ которыхъ Австрія одна была мнѣнія, противнаго общему рѣшенію.

(Ind. V.) Въ девятомъ засѣданіи конференціи, бывшемъ вчера, не произошло ничего важнаго. Приводили только въ порядокъ всѣ предшествовавшія совѣщанія, для того, чтобы кромѣ подписанія трактата не осталось уже ничего, когда прусскіе уполномоченные явятся въ засѣданіе. Самыя статьи пятаго предложенія всѣ вполнѣ рѣшены. Слѣдственно, на будущей недѣлѣ миръ будетъ непременно заключенъ.

Въ Indépendance Belge сказано: «Уполномоченные не собирались вчера въ засѣданіе; но тѣмъ не менѣе, они не предаются праздности. Хотя настоящаго засѣданія не было, однакожъ члены конференціи собирались у графа Валевскаго, который прочелъ имъ всѣ протоколы, долженствующіе служить основаніемъ для окончательнаго мирнаго трактата. Для сочиненія этого важнаго документа назначена коммисія, состоящая, какъ слышно, изъ слѣдующихъ лицъ: г-на Гюбнера со стороны Австріи, барона Буркене отъ Франціи, барона Бруннова отъ Россіи, лорда Коулея отъ Англии, и Али-паши отъ Турціи. Отъ Сардиніи и Пруссіи въ этой коммисіи членовъ не будетъ.—Изъ этой совокупности разныхъ фактовъ можно смѣло заключить, что о заключеніи мира непременно будетъ объявлено въ самомъ скоромъ времени. Это счастливое событіе, которое обрадуетъ всю Европу, замедляется только соблюденіемъ нѣкоторыхъ необходимыхъ формальностей, не могущихъ однакожъ повести въ какихъ либо затрудненіяхъ. Договаривающіеся согласились во всѣхъ пунктахъ, во всѣхъ вопросахъ. Тѣ изъ этихъ пунктовъ и вопросовъ, которыхъ практическое рѣшеніе могло повлечь особенное замедленіе, требующее, чтобы на него было обращено вниманіе, рѣшены по общему согласенію; только исполненіе ихъ отложено впродъ до болѣе подробнаго обсужденія».

(Nord.) Марта 19-го. Въ сегодняшнемъ Монитерѣ объявлено, что въ тюльерійскомъ дворцѣ былъ вчера пріемъ. Уполномоченнымъ на конференціяхъ императоръ сказалъ, что считаетъ особеннымъ для себя счастіемъ рожденіе сына въ такія минуты, когда для Европы открывается эра общаго примиренія; что онъ будетъ внушать новорожденному принцу, что народами не должно управлять по внушеніямъ своего эгоизма, и что съ миромъ въ Европѣ соединено благоденствіе всѣхъ націй. Президенту законодательнаго сословія императоръ изъявилъ надежду, что Провидѣніе предохранитъ его сына отъ несчастій, какимъ подверглись нѣкоторые другіе государи, родившіеся въ тюльерійскомъ дворцѣ; надежду эту онъ основываетъ на томъ, что Провидѣніе возстановило опять все низвергнутое этими государами, и на своемъ твердомъ намѣреніи не употреблять во зло благодѣяній судьбы. Императоръ останется вѣренъ принятой имъ системѣ и будетъ заниматься только благо-

денствіемъ французскаго народа; онъ посвятитъ миру съ самой колыбели своего сына, благоденствію народа и отведу привѣтствованнаго изъясненія, въ которомъ надѣется, что младенецъ этотъ будетъ достоинъ судьбы, его ожидающей.

(Pr. St.-Anz.) 18-го марта императоръ принималъ прусскаго уполномоченнаго барона Мантейфеля.

Въ нынѣшнемъ бюлетенѣ извѣщаютъ, что императрица и новорожденный принцъ пользуются совершеннымъ здоровьемъ.

Австрія. (N. Pr. Z.) Вѣна, марта 15-го. Вѣнскій корреспондентъ Новой Прусскай Газеты пишетъ изъ Вѣны, отъ 15-го марта, что русскій посланникъ при тамошнемъ дворѣ, князь Горчаковъ, отправился въ С.-петербургъ.

Вурциан. (Nord.) Въ газетѣ Presse d'Orient пишутъ: «Положеніе русскихъ плѣнныхъ на островѣ Принцевъ весьма удовлетворительно. Изъ 2,000 человекъ, расположенныхъ близъ монастыря Св. Николая, заболѣло въ два мѣсяца только 11; въ лазаретъ ихъ теперь не болѣе 6.—Измаиль-паша поѣдетъ черезъ двѣ недѣли въ Эрзерумъ для преобразованія анатолійской арміи, а Селимъ-паша возвратится въ Константинополь».

Персія. Въ № тегеранской газеты «Дневникъ случайныхъ происшествій», отъ 21-го числа джемади-уссани, пишутъ: Мы упомянули въ прошломъ № нашей газеты, что правитель Шахрудекской и Бастамской области Аббасъ-Кули-ханъ былъ убитъ гударійскими всадниками, и что приближенный къ особѣ шаха Чирагъ-Али-ханъ высочайшею волею назначенъ былъ на этотъ постъ. По дорогѣ его высокостепенство, освѣдомившись, что часть убійцъ скрылась бѣгствомъ по направленію къ горѣ Фирузъ-ку, отрядилъ въ ту сторону нѣсколько человекъ изъ числа своихъ гулямовъ, которые настигли разбойниковъ и взяли ихъ въ плѣнъ. Между тѣмъ, самъ Чирагъ-Али-ханъ добѣжалъ, не разувшись ни разу, до Бастама, созвалъ гударійскую конницу, уличилъ преступниковъ и, согласно полученной имъ отъ его величества инструкціи, двоихъ велѣлъ заковать въ дулю пушки, двухъ другихъ четверговалъ и затѣмъ повѣсилъ надъ городскими воротами; остальные же 15 человекъ этой шайки, которыхъ удалось захватить, отправлены, подъ прикрытіемъ гулямовъ, въ столицу, гдѣ ихъ также ожидаетъ справедливая казнь.

Въ среду 13 числа сего мѣсяца, его величество шахъ выѣхалъ подвѣчь за ограду крѣпости, и смотрѣлъ, какъ его побѣдоносныя полки дѣлали эволюціи и учились стрѣльбѣ. Между прочимъ полкъ Мухаммедъ-Кеззааскій упражнялся тутъ въ рытіи рововъ и траншей, и, послѣ нѣсколькихъ заповѣй, заключилъ ученіе землянымъ взрывомъ. Шахъ былъ очень доволенъ и щедро награждалъ офицеровъ и солдатъ.

Пишутъ изъ Астрабада: 26-го числа джемади-уль-аввала его высокостепенство Джафаръ-Кули-ханъ ильханійскій (тамашій губернаторъ) поѣхалъ въ Бенди-Гурганъ и крѣпостцу Хаджэ-нафасъ (эти мѣста населены Туркменами), пробылъ тамъ 4 дня и водворилъ вездѣ спокойствіе и порядокъ.

Пишутъ оттуда же: его высокостепенство постановилъ, что впродъ къ вѣсовымъ гириямъ долженъ быть прикладываемъ штемпель на монетномъ дворѣ, и строго запретилъ взвѣшивать съѣстные припасы другими вѣсами, что прежде было поводомъ къ частымъ злоупотребленіямъ. Онъ также установилъ курсъ мѣдной монеты, какъ онъ введенъ въ столицу, считая мѣдную монету въ 50 динаровъ.

Пишутъ изъ Хорасана: Одинъ солдатъ изъ полка Хамсэ, находясь въ Мешедѣ, въ продолженіе 6 мѣсяцевъ одержимъ былъ параличемъ и лишился всякой способности двигаться. Его лечили всевозможными средствами, но онъ не чувствовалъ никакого облегченія. Тогда одинъ изъ его товарищей, взваливши его на плеча, отнесъ во дворъ мечети Имама-Ризы и выпросилъ услужителей высокостепеннаго Мутавалли-баши позволеніе большому сарбазу провести одну ночь въ священной мечети. Больной твердо надѣялся на спасеніе отъ недуга; ночью ему снилось, что онъ выздоровѣлъ и, проснувшись, онъ замѣтилъ, что всѣ его члены были облиты потомъ и что онъ самъ здоровъ. Утромъ люди Мутавалли пришли въ мечеть и застали сарбазу исцѣленнымъ, о чемъ довели до свѣдѣній своего господина. Извѣстіе это быстро распространилось, народъ обступилъ чудесно-излеченнаго сарбазу, съ благоговѣніемъ отрывая клочки его одежды. Мутавалли подарилъ ему полную сѣбну новаго пѣтля, и оркестръ его высокостепенства игралъ, въ продолженіе 3 часовъ, въ знакъ ликованія и благодарности Высшему Творцу.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

КЕРЬ-ОГЛУ,

ВОСТОЧНЫЙ ПОЭТЪ — НАБЗДНИКЪ.

(Полное собраніе его импровизаций съ приспособленіемъ его биографіи.)

(Продолженіе)

Послѣ ужина Керь-оглу разспрашивалъ хозяйку о жить-бытьѣ въ Стамбулѣ и, между прочимъ, о султанскомъ гаремѣ, и наконецъ попросилъ приготовить себѣ постель.

— Гдѣ же ты хочешь спать, сынъ мой? спросила она. — Я лягу въ соседней комнатѣ, ближе къ дверямъ: ночью я часто выхожу взглянуть на своего Керата.

Это возбудило въ старухѣ опасенія, и она подумала про себя: «Не имѣетъ ли это чудовище какихъ-либо дурныхъ намѣреній? онъ словно хочетъ загородить мнѣ дорогу, чтобы я не убѣжала изъ дому». Поэтому, дабы отклонить гостя отъ желанія лечь у самаго выхода, старуха сказала: не бойся ничего, сынъ мой, я стара, сплю чутко и сама часто выхожу во дворъ.

— Нужды нѣтъ, моя милая; ты можешь смѣло переступать мнѣ черезъ голову.

Около полуночи Керь-оглу закашлялъ и, проснувшись, увидѣлся, что старуха не спитъ.

— Что-же, мать моя, не спишь? или ты боишься чего? спросилъ онъ.

Нѣтъ, сынъ мой, такъ, что-то разстроена.

Старуха, въ самомъ дѣлѣ, ни на минуту не могла заснуть и все думала, кто бы могъ быть ея загадочный гость; наконецъ она рѣшилась обратиться съ распросами къ нему самому: — «Милый сынъ мой, ты должно быть *Назаръ-Джесали* изъ рода *Терджумановъ*? Умоляю тебя именемъ *Аллаха-аррахмани* (всемогущаго Бога), скажи мнѣ правду.»

Нѣтъ, не угадала, мать моя.

«Ну, такъ ты *Гуриз-оглу*?»

— Все не то.

«Ну, такъ *Рейанъ-Арабъ* изъ города Орфы?»

Нѣтъ и нѣтъ, милая.

«Такъ значитъ ты не кто иной, какъ предводитель майки *семисотъ-семидесяти-семи*, извѣстный Керь-оглу изъ Шамли-билы?»

— На этотъ разъ ты угадала. Не забудь же завтра утромъ пойти на *майданъ* и кричи во все горло, что Керь-оглу изъ Шамли-билы, теперь въ Стамбулѣ и хочетъ увезти княжну Нигару.

При этихъ словахъ языкъ бѣдной старухи отъ испуга прильнулъ къ гортани. Керь-оглу, замѣтивъ ея смущеніе, сказалъ: не бойся, мать моя.

— Какъ-же мнѣ не бояться? имя твое наводитъ такой ужасъ, что если дитя заплачетъ, то мать, желая усмирить его, говоритъ: «*Сара! сара!* (тебѣ, тебѣ) вождь пришелъ, хочешь тебя съвестъ»; но дитя не боится этого и продолжаетъ кричать. «*Шилмакъ* (леопардъ) пришелъ», — но и это не помогаетъ. Когда же скажутъ, что Керь-оглу идетъ и хочетъ увезти его въ Шамли-билъ, то дитя тотчасъ-же умокаетъ, прячетъ лицо въ подушку и засыпаетъ. Ты видишь, сынъ мой, что я еще довольно храбра, если, услышавъ твое признаніе, не убѣжала изъ дому.

Керь-оглу сказалъ: «Клянусь тебѣ чистѣйшимъ духомъ Создателя неба и земли, что я буду обходиться съ тобою, какъ съ своею родной матерью. Но горе тебѣ, если вздумашь выдать меня. Тогда, будь ты на седьмомъ небѣ, я сумѣю закинуть туда петлю и стащить тебя на землю, или если бы ты превратилась въ колдунью и скрылась въ преисподнюю, то и тамъ нашелъ бы я тебя и разорвалъ на части твое жалкое тѣло.»

— *Валлахъ! биллахъ!* (клянусь тебѣ), отвѣчала на это старуха: пока я жива, если языкъ мой даже заикнется объ этомъ, я отрѣжу его сама.

— Скажи мнѣ теперь, милая старуха, ошибся ли, молодуха моя, гдѣ теперь султанъ Мурадъ, за дочерью котораго я прибылъ сюда?

— Султанъ, о сынъ мой, отправился въ Мекку, на поклоненіе; теперь государствомъ правитъ сынъ его Бурджи-Султанъ.

— Гдѣ же мѣстопробываніе княжны Нигары?

— Она живетъ во дворцѣ, окруженномъ семью каменными стѣнами, охраняемыми сильною стражей.

Когда разсвѣло, Керь-оглу навѣстилъ своего Керата, и потомъ, позавтракавши, сказалъ: — я иду на майданъ; запри за мною калитку и не выпускай никого во дворъ. На майданѣ онъ заказалъ себѣ бѣлое платье муллы, купилъ нѣсколько вершковъ такого же цвѣта тесьмы и поручилъ мастеру вырѣзать себѣ печать съ именемъ султана Мурада.

Выйдя изъ лавки рѣзчика, онъ подумалъ: «Княжна Нигара, втроятно, попроситъ меня сыграть ей что-нибудь, а я не привезъ съ собою чонгура; но здѣсь есть отличный мастеръ Якубъ, который ежегодно дѣлаетъ для меня чонгури, и за каждую штуку получаетъ по ста тумановъ.» Такъ разсуждая, герой нашъ отыскалъ лавку Якуба и потребовалъ чонгури самаго лучшаго сорта, съ затѣйливой рѣзбою, богатымъ украшеніемъ и съ ручкою на винтѣ. Мастеръ, видя передъ собою какого-то обор-

ванца, голыша, подумалъ, что его морочатъ, и съ гнѣвомъ закричалъ на незнакомца: «Вонъ, вонъ, бездѣльникъ, нищій! развѣ ты какой-нибудь Керь-оглу, что просишь чонгури во сто тумановъ?»

Керь-оглу посмотрѣлъ ему въ лицо и засмѣялся.

— Советую тебѣ, огланъ, убирайся прочь; или я разможу тебѣ голову.

— Этотъ мошенникъ въ самомъ дѣлѣ не узнаетъ меня; но я докажу ему искусствомъ моихъ пальцевъ, что онъ ошибается. Керь-оглу взялъ одинъ изъ поданныхъ ему инструментовъ, приложилъ къ груди и, обращаясь къ мастеру Якубу, импровизовалъ:

«Отправляясь къ тебѣ изъ Шамли-билы, я плѣлъ всю дорогу, о *эфенди*! да буду я твоимъ рабомъ, только отпусти меня; чонгури мой сломался, и я не знаю, какъ помочь этому горю. — О, господинъ мой, я рабъ твой, лишь отпусти меня. Чонгури мой висѣлъ на стѣнѣ, я спялъ его оттуда, чтобъ настроить; но Айвазъ мой, будучи пьянъ, разбилъ его. О *челеби*! я жертва своего несчастья, умоляю тебя, отпусти меня!»

Одинъ изъ слугъ Якуба, посмотрѣвъ въ лицо Керь-оглу, въ ту минуту, какъ онъ произнесъ имя Айваза, узнавъ его и шепнулъ на-ухо своему хозяину: Господинъ, да падетъ домъ твой въ развалины, если это не самъ Керь-оглу.

— «Молчать, дуракъ, вскричалъ Якубъ, давъ мальчику оплеуху, — не ты ли грази. Какой шайтанъ заставитъ Керь-оглу прѣхать въ Стамбулъ?»

Между тѣмъ, Керь-оглу опять заплѣлъ:

Импровиз. «О! зачѣмъ я не гуляю теперь по долинамъ шамли-билскимъ? я долженъ пасть жертвою очей красавицы. Тамъ живетъ моя крошечная, прекрасная *Кюрдэ-Ханумъ* (33), которая расправитъ свои попки подъ звуки моего чонгура. Господинъ! я рабъ твой, позволь мнѣ продолжать путь.»

Глупый мастеръ не понялъ намека, и продолжалъ бранить Керь-оглу: — Наглый лжецъ, я ежегодно посылаю Керь-оглу чонгури, за который онъ платитъ мнѣ сто тумановъ; у тебя же едва ли найдется и сто *шабіовъ*.

Керь-оглу продолжалъ:

Импровиз. «О! гдѣ моя выгнутая шапка, — я вонзилъ бы ее въ этого хвастуна. Огланъ! не отказывай мнѣ въ моемъ требованіи, и не отпускай меня безъ чонгури.» Вслѣдъ за этимъ нашъ герой обжаловалъ было шапку, но скоро раздумалъ, вспомнивъ, что если убѣдетъ этого собачьяго сына, то трудно будетъ найти другаго, подобнаго ему мастера, и опять заплѣлъ.

Импровиз. Въ Шамли-билѣ есть поговорка: «берегись, бекъ идетъ, бекъ идетъ.» Я тотъ самый бекъ. Я хладнокровно снесу вину невѣжды и не трону его. Я не согну спины моею за сто тумановъ. Эй, хозяинъ, я рабъ твой, только отпусти меня скорѣе.

Наконецъ недогадливый мастеръ узналъ славнаго набздника и упалъ предъ нимъ. — Прости меня, я совсѣмъ оглупѣлъ, и не чаялъ увидѣть тебя здѣсь.

— Хорошо, встань, я прощаю тебя; только дай мнѣ чонгури съ выдвижною ручкой.

Якубъ не замедилъ принести чонгури. Инструментъ, на этотъ разъ, Керь-оглу понравился; онъ снялъ съ него ручку, и спрятавъ въ карманъ, далъ Якубу 50 тумановъ, а мальчику, узнавшему его, подарилъ 25, и сказалъ мастеру: Якубъ, ты ежегодно получаешь отъ меня сто тумановъ и не узнаешь меня; а этотъ мальчикъ, который еще не отбѣдывалъ моего хлѣба-соли, сразу догадался. Если ты отнимешь у него хоть одинъ *пари*, то накинчешь большую бѣду на свою голову. — Напоследокъ онъ спросилъ: *шутуръ-дида?* (видѣлъ-ли верблюда) (34).

— Я не видалъ и слыдѣвъ его, отвѣчалъ Якубу.

Простясь съ мастеромъ, Керь-оглу направилъ путь свой къ дому старухи; на улицѣ онъ встрѣтилъ турецкаго *факки* (35), поклонился ему съ благоговѣніемъ и произнесъ: «Мать моя лежитъ при смерти; прошу тебя, иди со мною, не откажись прочесть надъ больною одну суру изъ корана.»

— Пожалуй, но прежде заплати мнѣ за трудъ, сказалъ *факки*.

Керь-оглу далъ ему червонецъ и они отправились вдвоемъ. Старуха въ это время бродила по двору своего дома; увидѣвъ ее, чтецъ спросилъ Керь-оглу: какъ же ты сказалъ, что мать твоя при смерти? Я вижу, что она здорова и ходитъ себѣ по двору.

— О, *Аллахъ* — воскликнулъ тотъ съ притворнымъ изумленіемъ, — когда я выходилъ изъ дому, она боролась со смертию, а теперь ожива.

— Ну, такъ мнѣ можно идти?

— Нѣтъ, погоди, возьми бумагу и напиши, что я тебѣ продуктую.

Чтецъ выпнулъ изъ-за пояса чернильницу съ каламомъ, взялъ доскугокъ бумаги и уселся на землѣ. Керь-оглу сказалъ: ты долженъ написать письмо отъ султана Мурада къ дочери его Нигарѣ.

— Скорѣе разскажи мнѣ съ жизнію, чѣмъ рѣшусь на это, — возразилъ чтецъ.

— Какъ такъ? Вѣдь ты умѣешь писать?

— Нѣтъ, не умѣю. — Тутъ Керь-оглу схватилъ его за

(33) *Кюрдэ-Ханумъ* одна изъ женъ Керь-оглу.

(34) Здѣсь аллегорическая игра словъ, часто употребляемая на Востоку; у Персіанъ она обратилась въ поговорку, соответствующую русской: а видѣлъ ли слова?

(35) *Факки* — занимающійся чтеніемъ и некоторымъ явствъ изъ корана, за деньги.

горло и такъ стиснулъ, что глаза бѣднаго *факки* готовы были выскочить изъ своихъ мѣстъ, а лицо поблѣднѣло въ одно мгновеніе.

— Не мучь меня, я напишу тебѣ все, что только угодно, завопилъ чтецъ.

Ну, такъ начинай: «Дочь моя! посылаю къ тебѣ этого кавуша (36), по имени Рушана, изъ Мекки. Вся ласки, заботы и почести, которыя ты оказала бы мнѣ лично, прошу тебя оказывать и ему. Это человекъ благочестивый, весь проникнутый божественнымъ ученіемъ, и такого вѣрнаго и преданнаго слугу *Аллаха* едва-ли можно найти на всей землѣ.»

Факки былъ увѣренъ, что самъ Керь-оглу не умѣетъ ни читать, ни писать, и потому поднялся на хитрости и настроилъ письмо такого содержанія: «*Нигара-Ханумъ!* податель сего письма кавушъ, по имени Рушанъ, есть мошенникъ изъ мошенниковъ, оплетало, разбойникъ, какого свѣтъ еще не видывалъ, и т. п. Прикажи его отодрать по пятмѣ и не впускать въ столицу, гдѣ онъ можетъ набузавить.»

Готово, сказалъ *факки*, теперь нужно приложить печать.

— Ну-ка, покажи сперва, что ты написалъ?

Тотъ ужаснулся и проговорилъ въ смущеніи: потерпи, ага, я еще не все кончилъ, надо прибавить еще нѣсколько словъ.

Но Керь-оглу выхватилъ у него свитокъ и, прочитавъ написанное, устремилъ свой огненный взглядъ на *факки*.

— Ты такъ сжалъ мнѣ въ горло, — пролетѣлъ бѣдняга, что вся кровь хлынула мнѣ въ голову, я испугался и самъ не понимаю, что я тамъ написалъ. Благодарствуй мой! да паду я твоей жертвою, — прости меня, я напишу такъ, что ты меня похвалишь.

Керь-оглу, топнувъ ногою, закричалъ ему: ну, пиши, негодий, да безъ хитростей, если жалѣешь себя.

Видя, что съ незнакомцемъ шутить нельзя, *факки* написалъ по сказанному и прибавилъ еще отъ себя слѣдующее: «*Нигара*, ты выйдешь сама изъ города на встрѣчу этого *фенхса* благочестія, за четыре фарсаха.»

Керь-оглу тогдаже запечаталъ письмо печатью съ именемъ и вензелемъ султана Мурада.

— Теперь ты напишешь, — сказалъ онъ, — фирманъ хранителю укрепленаго дворца княжны Нигары, такого содержанія: «*Падишахъ* посылаетъ при этомъ своего кавуша Рушана, который удостоился полной его довѣренности; никто да не воспрещаетъ ему въ посѣщеніи шахзады Нигары; во дворцѣ онъ можетъ остаться сколько ему будетъ угодно.» Керь-оглу, найдя бумагу удовлетворительною, запечаталъ и еѣ тою же печатью, и положилъ себѣ въ карманъ.

— Ну, *бабайш!* теперь мнѣ можно идти? спросилъ *факки*.

«Постой, сказалъ Керь-оглу, я чувствую къ тебѣ состраданіе; ты очень хорошо написалъ письмо, но червонецъ, данный тебѣ мною, фальшивый; возрати мнѣ его и возьми другой. Спрятавъ червонецъ въ кошелекъ, Керь-оглу сказалъ про себя: только мертвому можно повѣрить, что не проболтается, и отвѣди бѣднаго *факки* въ сторону, да въ такомъ тумакѣ, что философъ нашъ тутъ же растаулся. Швырнувъ трупъ въ сторону, набздникъ хватилъ рукою объ стѣну, и такъ сильно, что она, обрушившись, покрыла тѣло своими развалинами.

Старуха, видя все происходившее, начала вопить, кричать и ударять себя въ грудь. «Вражій ты сынъ, отце-сожженное исчадіе! до сихъ поръ домъ мой не обгадился человѣческою кровью, но ты осквернилъ его.»

— А, такъ и ты захотѣла расстаться съ жизнію, негодная суннитка! Вотъ я сей-часъ же обрушу на тебя остальную часть стѣны.

— Виновата, прости меня! дѣлай такъ, какъ тебѣ угодно, сказала старуха...

Керь-оглу сверхъ платья надѣлъ плащъ муллы, купленный имъ на базарѣ, и бѣлые шалвары, накинулъ на себя, сверхъ всего, еще плащъ пилигрима, а голову обвязалъ бѣлой чалмою. Въ такомъ видѣ, съ полужакрытыми глазами и поникшею набожно головою, нашъ герой направился легкими и тихими шагами ко дворцу княжны Нигары.

У воротъ онъ былъ остановленъ стражею вопросомъ: «*Хаджи!* Куда ты идешь? это султанскій гаремъ, въ который никому не позволено входить.»

— Но я могу, я долженъ войти туда, проклятые гяуры, сердито возразилъ Керь-оглу.

— Да возведи чинъ *Аллахъ* пилигримство твое; но долѣ нашъ свѣтъ, и мы не впустимъ тебя.

Керь-оглу на это сказалъ: «Имя мое кавушъ-Рушанъ. Я изъ Мекки посланъ сюда самимъ султаномъ. Нигара, вѣроятно, не простудилась-бы свои прекрасныя попки, если-бы выехала мнѣ на встрѣчу, какъ ей и слѣдовало исполнить.»

— Есть-ли у тебя фирманъ отъ султана?

Керь-оглу отдалъ имъ приказъ своего собственнаго сочиненія, и когда они прочли его, то упали въ ноги мнимому хаджи и почтительно стали цѣловать поды его *аббы*.

«Прости насъ, мы не знали этого — да приметъ *Аллахъ* твое пилигримство!»

— Да благословитъ васъ *Аллахъ* узрѣть Мекку!

Керь-оглу безпрепятственно вошелъ въ гаремъ и направился прямо къ комнатамъ Нигары. Внутренній дворъ

(36) Кавушъ — путеводитель пилигримовъ въ Мекку.

гарема благоухалъ разнообразными цвѣтами; тутъ были и пруды и водопады. Кёръ-оглу сложили свой плащъ въ четверо, разостлали его на берегу одного пруда и, устывши, занялись разсаживаніемъ садовъ, посреди коихъ стоялъ дворецъ Нигары, окруженный великолѣпными кіосками. Въ одномъ кіоскѣ онъ замѣтилъ княжну, съ всколькими прислужницами: она сидѣла у открытаго окна и пила вино.

Одна изъ служанокъ подошла въ это время къ пруду, чтобы взять воды и, увидѣвъ муллу, державшаго въ рукахъ четки и благоговѣнно совершавшаго намазъ, приблизилась къ нему и сказала: «Эй человекъ! что тебѣ здѣсь надобно? Это гаремъ султана».

— Эй человекъ! что это значитъ? Негодная, неужели ты такъ глупа, что не можешь произнести слова *хаджи* и въ тоже время поздравить меня съ счастливымъ возвращеніемъ изъ Мекки? Развѣ госпожа твоя, княжна Нигара, такъ бѣдна, что пожалѣла износить половину старой *чусты* (туали), чтобы выйти мнѣ на встрѣчу? Знай, что я султанскій кавушъ Рушанъ, изъ Мекки, и присланъ сюда самимъ Мурадомъ.

Услышавъ это, дѣвушка отъ радости забыла наполнить кувшинъ водою и побѣжала къ своей госпожѣ съ новостями. Войдя въ кіоскъ, она сорвала съ головы княжны шаль и схватила разныя драгоценности, лежавшія на коврѣ.

— Что это значитъ? спросила княжна; не пьяна-ли ты, что позволяешь себѣ такія дерзости?

Дѣвушка на это возразила: скорѣе ты сама пьяна, а не я. Все, что я сей-часъ взяла, принадлежитъ мнѣ въ награду за добрыя вѣсти. Сюда прибылъ отъ султана кавушъ изъ Мекки.

— Такъ скоро? Это невозможно!

— Клянусь твоей головою, что это правда. Кавушъ смотритъ такимъ святымъ и благочестивымъ, небесный огонь сіяетъ въ его глазахъ, а лице его какъ-бы озарено солнечными лучами.

— Вставайте, мои подруги, поспѣшимъ встрѣтить его! Я читала въ священнѣхъ книгахъ, что блаженъ тотъ, кто успѣетъ встрѣтить возвратившагося изъ Мекки пилигрима и приметъ на себя первую пыль изъ-подъ копытъ его лошади; тѣло такого счастливецъ не можетъ быть пожрано адскими огнями.

Кёръ-оглу, увидя въ комнатѣ княжны суету, сорвалъ съ головы чалму и, отбросивъ его въ сторону, вынулъ изъ кармана остроконечную шапку и надѣлъ ее на бекрень; затѣмъ скинулъ съ себя одежду муллы, и расправивъ складки своего платья, сшитаго изъ сукна темно-оливковаго цвѣта, граціозно повязалъ себѣ шалью сверхъ пояса, изъ-за котораго видѣлась рукоятъ княжала, украшеннаго брилліантами, цѣною до 4 т. тумановъ; потомъ вынулъ изъ кармана свой трехъ-струнный чонгури, прикрѣпилъ къ нему ручку и, настроивъ его, началъ ударять по ней щепкою, называемою *месроба*.

Между тѣмъ, княжна Нигара пришла къ пруду и вмѣсто хаджи увидѣла мужественное лице съ длинными до ушей усами—настоящій типъ совершеннаго «люте». — Ахъ ты, негодная, сказала она, обращаясь къ служанкѣ, гдѣ же тутъ кавушъ?

— Клянусь Аллахомъ, это тотъ самый хаджи, у котораго давеча голова была повязана чалмою.

— Ну, такъ спросить этого музыканта, куда дѣвался хаджи?

Дѣвочка подбѣжала къ Кёръ-оглу и спросила о хаджи.

— Прочь, негодная дѣвочка, сказалъ тотъ съ сердцемъ. Здѣсь не было никого, кромѣ меня!

Невольница, возвратясь къ княжнѣ, увѣряла ее, что это и есть хаджи, видѣнный ею, но теперь онъ переодѣлся въ музыканта. Княжна рассердилась не на шутку. — Къ доброму же хаджи ты привела меня; всего вѣрнѣе, что онъ тебя поцѣловалъ. Эй, давайте сюда трости!

Безчисленные удары по пятамъ посыпались на бѣдную. Кёръ-оглу, тронутый ея невинностью, подошелъ къ Нигарѣ и громко привѣтствовалъ ее: Салямъ-еллей-кумъ! Княжна еще болѣе обидѣлась дерзостью незнакомца и не отвѣчала ему. Это сильно задѣло честолюбіе нашего героя; онъ сказалъ: «Княжна, полно наказывать невинную.» Потомъ взялъ чонгури и запѣлъ.

Импровиз. «Я сказалъ ей: салямъ-алей-кумъ, но она не приняла моего привѣтствія. Я *динарный* (грошовый) *мешукъ* (любовникъ); у меня нѣтъ ни серебра, ни золота. Я не такъ богатъ, чтобы владѣть подобнымъ тебѣ жемчугомъ.»

При этихъ словахъ Нигара подошла къ пѣвцу: «Разбойникъ, наглецъ, негодий! Если бы ты имѣлъ даже 1000 тумановъ, кто бы и тогда осмѣлился положить меня на твои плечи?» Здѣсь она толкнула пѣвца ногою.

— Княжна! сказала одна изъ прислужницъ, намъ жаль твоей стройной ножки, которая можетъ быть ушиблена о грудь этого несчастнаго.

Услышавъ это, Кёръ-оглу произнесъ: Глупая дѣвочка! почему ты думаешь, что грудь моя не дороже ножки госпожи твоей? Потомъ, обращаясь къ княжнѣ, онъ запѣлъ:

Импровиз. «Грудь твоя дышетъ благоуханіемъ фіалки и гіацинта; въ уединеніи своемъ, ты разцвѣтаешь подобно

имъ. Ты лучъ моего сердца. Небо да отомститъ тебѣ за то, что невнимаешь моимъ страданіямъ!»

Въ это время груди Нигары, какъ два наливные яблочка, подымались и сверкали такой бѣлизною, передъ которой былъ ничто первый снѣгъ на вершинѣ горы *Саваланъ*. Кёръ-оглу на минуту задумался, но скоро ободрился и продолжалъ:

Импровиз. «Нельзя сравнить бѣлизну эту ни съ серебромъ, ибо серебро, подобно распутной женщинѣ, переходитъ изъ рукъ въ руки и скоро изнашивается;—ни со снѣгомъ, потому что снѣгъ таетъ и исчезаетъ отъ первыхъ лучей солнца. Лучше сравнить ее съ бумагой, да съ бумагой, которая хорошо сохраняется, если положить ее на грудь, и не теряетъ своей бѣлизны... Ты садъ, благоухающій фіалками и гіацинтами. Зачѣмъ ты ранила грудь мою? Перси твои подобны свитку бѣлой бумаги; не мѣшай же трости моею начертать на нихъ повѣсть о любви.»

Княжна, слушая эти пѣсни, оставалась неподвижною; Кёръ-оглу продолжалъ:

Импровиз. «Ты самый свѣжій плодъ весенняго сада! Ты благоухающій гранатъ и айва. О Нигара! ты солнце души Кёръ-оглу; не думай, чтобы вся вселенная была достойна тебя...»

Когда Кёръ-оглу получилъ письмо и медальонъ княжны чрезъ Бели-Ахмеда, онъ былъ нѣсколько пьянъ и не могъ запомнить приключеній Нигары въ лавкѣ зеленщика. Княжна вспомнила теперь это обстоятельство, и велѣла своимъ прислужницамъ наказатъ наглеца. (Да избавитъ Аллахъ всѣхъ и каждаго отъ когтей и пальцевъ сердитой женщины!) Исполняя волю госпожи, онъ съ остервененіемъ бросился на Кёръ-оглу и ничего не могли сдѣлать. — О, княжна! произнесъ Кёръ-оглу, если тебѣ не жаль меня, то сжалось хоть надъ своими прислужницами; у нихъ ноги и руки затвердѣли и распухли отъ боли.

— Дѣвушки! сказала княжна; идите и подкрѣпите себя виномъ, а потомъ вернитесь сюда для наказанія этого усатаго самозванца.

Проходя мимо Кёръ-оглу, Нигара бросила на него пристальный взглядъ и удивилась его мужественной осанкѣ и красотѣ. Конечно, это не ускользнуло отъ проницательности нашего героя; забывъ боль, причиненную ему ударами невольницъ, онъ взялъ чонгури и импровизировалъ слѣдующую пѣсню на очи красавицы.

«О, Нигара! очи твои подобны глазкамъ молодой газели; ужели мнѣ суждено видѣть грудь твою обращенною въ камень? Ты убила меня. Да полюбятъ горькія слезы изъ очей твоихъ! Приказывай, предай меня лучше во власть палачей, но не открывай мою тайну. О, если бы ты захотѣла помчаться, съ быстротою вѣтра, на конѣ изъ Кохланскаго племени; ты бы почувствовала себя въ полномъ блаженствѣ.»

Нигара велѣла себѣ подать вина. Кёръ-оглу, смотря на нее, импровизировалъ:

«Прикажи убить меня! Пусть слезы высохнутъ въ моихъ глазахъ,—это ихъ ручей. Вели наполнить стаканы; выпей крови моею,—вотъ задравный кубокъ въ честь тебя!»

Кёръ-оглу замолкъ и подумалъ: «Я одолѣлъ столько препятствій; пріѣхалъ въ Стамбуль.—Что же еще? Покрайней-мѣрѣ, въ награду за все это, нужно найти мнѣ, взаменъ Нигары, десятокъ подобныхъ ей красавицъ. Это было бы значительное приращеніе къ тому, что есть у меня въ Шамли-билѣ. Каждую изъ нихъ я взялъ бы въ вознагражденіе сегодняшняго неуспѣха.» Потомъ онъ запѣлъ.

Импровиз. «Я блуждалъ по садамъ, по базарамъ. О, пятнадцать красавицъ, подобныхъ Нигарѣ! идите сюда и покажитесь Кёръ-оглу.»

Нигара, между тѣмъ, продолжала пить вино, сидя у окна кіоска. Кёръ-оглу, глядя на нее, сталъ облизывать и кусать себѣ губы. Княжна вскричала: Эй, рабыни! разведите въ маслѣ бальзаму—*муміэ* (37), и дайте выпить несчастному, а то онъ умретъ отъ испуга и разслабленія. Скажите ему, что шахзади не желаетъ его смерти. Пусть онъ выпьетъ и отирается себѣ, иначе я велю эвнухамъ убить его.— Кёръ-оглу пріишелъ въ восхищеніе, когда увидѣлъ, что невольница неслла ему полную чашу жидкости; онъ думалъ, что это вино; но дѣвушка сказала, что это растворъ изъ муміэ, и передала приказаніе госпожи своей, чтобы онъ тотчасъ же убирался. Кёръ-

(37) *Муміэ*—родъ бальзама, добываемаго въ одной пещерѣ, въ Южной Персіи. Его съ успѣхомъ употребляютъ какъ средство отъ ломоты и отъ испуга; въ послѣднемъ случаѣ муміэ растворяется въ горячемъ кипяченомъ молокѣ.

оглу обидѣлся напитокомъ и просилъ *дѣвобилду* сказать Нигарѣ, чтобы прислала ему тотъ самый напитокъ, которымъ она сама наслаждается.

— Ай-да пидигримъ! Развѣ благочестивый хаджи можетъ пить вино? сказала княжна. Потомъ, по ея приказанью, близъ одного изъ фонтановъ разостланы были ковры и поданы сосуды съ виномъ и разныя лакомства. Княжна съ своими наперсницами перешла туда изъ кіоска. «Мы исполнимъ желаніе хаджи, мы дадимъ ему вина, сказала она,—съ тѣмъ только, чтобы онъ поплясалъ передъ нами; а затѣмъ мы его накажемъ опять и прогонимъ отсюда.»

Кёръ-оглу взглянулъ на княжну; взоръ ея исполненъ былъ любви и нѣги. Она, отъ времени до времени, брала разныя лакомства, улыбаясь и выказывая свои коралловыя губы. Герой нашъ сказалъ про себя: «Если я не сыгравъ что-нибудь при этомъ случаѣ, то ни я, ни талантъ мой не стоятъ и динара.» Вслѣдъ за этимъ онъ настроилъ чонгури и запѣлъ:

Импровиз. «О госпожи мои прекрасныя! Опять взошло мое солнце,—Нигару я вижу вновь. Слезы радостно льются изъ глазъ моихъ.—Княжна Нигара пришла опять. Я сорву поцѣлуй съ ея розовыхъ губъ. Посмотрите, какъ она убрала свои черные волосы, падающіе на ея нѣжныя плечи. Да, вотъ она пришла, и подобно стеблю колеблется въсѣмъ станомъ. Неужели я могу еще надѣяться на любовь? О! мысль о тебѣ посѣла надежду въ груди моей. Я вижу мою Нигару: одною рукою она ѣстъ лакомства, а въ другой держитъ хрустальную чашу, полную вина. Она пришла пльнить меня своей красотой; она пришла осушить до изсяканія льющіяся изъ очей моихъ слезы. Княжна Нигара пришла опять, чтобы убить Кёръ-оглу.»

Когда Кёръ-оглу пересталъ пѣть, Нигара, подзвавъ невольницъ, напустила ихъ на него снова; удары посыпались со всѣхъ сторонъ. Кёръ-оглу упалъ на землю и, стоная отъ боли, незамѣтно поползъ къ пруду и бросился въ него, держа чонгури надъ головою, добрался до середины фонтана, бившаго изъ-подъ мраморнаго столбика, и утѣлся тамъ.

Повинуясь приказаніямъ госпожи своей, невольницы стали кидать въ него камнями; терпѣніе Кёръ-оглу истощалось; онъ сказалъ: «О, Бели-Ахмедъ! если Богу угодно будетъ вынести меня отсюда живымъ, я сожгу твоего отца и тебя самого; ты обманулъ меня,—она никогда не любила Кёръ-оглу. Затѣмъ, обратившись къ княжнѣ, онъ произнесъ: Госпожа! позволь мнѣ пропѣть арію, которую я только что припомнилъ, и когда окончу ее, ты можешь убить меня.»

Импровиз. «О госпожи! Я влюбился въ молодую красотку, и сдѣлался самымъ неистовымъ сумасшедшимъ. Страсть обуяла меня внезапно, и я кружусь около дѣвы, надѣленной очами газели. Если-бы я зналъ ея жестокость, то убѣгалъ бы подобной любви. Теперь я долженъ питаться горестью и стенаніями, какъ насущнымъ хлѣбомъ; пощади меня; умѣръ свою жестокость и умилоствись надо мною.»

При этихъ словахъ грудь Нигары обилась слезами и сильнѣе; Кёръ-оглу продолжалъ:

Импровиз. «Солнце взошло высоко надъ горою, съ востока. Она душистый *юлистанъ* (цвѣтникъ); на ея ланитахъ пылаютъ розы. Глупецъ! не осмѣливайся поднимать взоры на этотъ любовный садъ. Какой счастливецъ удостоится сорвать эти розы?»

Нигара слушала пѣвца съ возрастающимъ удовольствіемъ.

Импровиз. «Позволь Кёръ-оглу вкусить свѣжесть губъ твоихъ. Человекъ, разъ прикоснувшійся къ твоему стану, сдѣлается безсмертнымъ. О Нигара! я рабъ твой, въ счастье и несчастіи»....

(Продолж. будетъ.)

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ домѣ коллежскаго ассесора Шмидта, бывшаго Денпера, продаются КАРЕТА и РОАЛЬ.

ПРІѢХАЛИ: марта 30-го: изъ крѣпости Возвиженской штабсъ-капитанъ *Парчевскій*, изъ Мангласа прапорщикъ князь *Голицынъ*.

31-го: изъ Эривани коллежскій ассесоръ *Козановскій*.

ВЫѢХАЛИ: марта 30-го: въ Гори генералъ-отъ-инфантеріи князь *Эристовъ*, на пар. Колонны майоръ *Давидовъ*, въ С.-петербургъ коллежскій ассесоръ *Нестеровскій*. 31-го: въ Ставрополь генералъ-майоръ *Базиль*, въ Елисаветополь коллежскій ассесоръ *Зиновьевъ*.

Метеорологическія наблюденія.

Мѣсяцъ и числа по старому стилю.	Часы.	Термометръ Р°.		Сыръсть воздуха.	Барометръ при 13 1/2 Р°. Русс. полуниц.	Направленія вѣтра.	Состояніе неба.	Темпер. Реом.	
		Сухой.	Сноч.					Наим.	Наиб.
27-го Марта.	7 утра.	+ 2,5	+ 0,0	0,56	574,41	СЗ. оч. слаб. Тихо.	Обл. на гариз. Обл. разс. Обл. на гариз.	+ 0,5	+ 14,7
	1 допол.	+ 13,1	+ 6,0	0,29	573,33				
	9 вечер.	+ 0,8	+ 3,4	0,35	572,55				
28-го Марта.	7 утра.	+ 4,5	+ 1,7	0,52	571,84	СЗ. оч. слаб. ЮВ. слаб. СЗ. утрѣ.	Обл. тошк. — — — Обл. вѣстн.	+ 1,8	+ 16,0
	1 допол.	+ 14,2	+ 7,0	0,25	569,89				
	9 вечер.	+ 10,6	+ 6,6	0,49	569,64				
29-го Марта.	7 утра.	+ 8,6	+ 5,8	0,60	569,80	СЗ. слаб. СЗ. сильн. СЗ. оч. слаб.	Обл. на гариз. Обл. разс. Ясно.	+ 6,5	+ 15,2
	1 допол.	+ 15,2	+ 8,8	0,34	569,34				
	9 вечер.	+ 9,5	+ 5,9	0,52	570,59				

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.